

АННА ЗАВГОРОДНЯЯ

ЛЕДИ
КОШКА
НЕКРОМАНТ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3std1-444.5
313

Завгородняя, А.

313 Леди. Кошка. Некромант / А. Завгородняя, — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 562 с.

ISBN 978-5-521-90929-2

Получить неожиданное наследство и попасть на практику к самому несносному и вредному некроманту в государстве — это могло случиться только со мной! Мало того, что дом, доставшийся мне от дяди, полон призраков и загадок, которые просто необходимо разгадать, а практика обещает быть насыщенной на опасные приключения, так еще и родители подыскали жениха и твердо намерены выдать меня замуж. А у меня свои мечты и мы еще поглядим, кто кого.

BIC FM
BISAC FIC009000

© Анна Завгородняя, текст, обложка, 2023
© RUGRAM, оформление, 2022
ISBN 978-5-521-90929-2 © Т8 Издательские технологии, 2022

ГЛАВА 1

В кабинете дядюшкиного душеприказчика пахло табаком, вишней и еще какими-то сладкими ароматами. Сам господин Ростоцкий, важный, в дорогом костюме и при модном пышном галстуке, дочитывал последние строки завещания. Помимо его монотонного голоса было слышно, как тикают часы на каминной полке и как непоседливый мелкий дождь стучится в окно, словно желая присутствовать при оглашении последней воли князя Вяземского. И несмотря на то что посторонние звуки меня отвлекали, самые важные аспекты документа я успела понять и принять.

Когда душеприказчик закончил читать, он поправил очки, съехавшие на нос, и внимательно посмотрел сначала на моих родителей, а затем и на меня.

— Вот таковы условия вступления в наследство, — проговорил служащий и положил документ, после чего опустил в кресло и, облокотившись на стол, таинственно улыбнулся.

— Ну Петруша, ну братец! Ну услужил! — проворчал мой отец. — Нет, у нас достаточно своих денег, чтобы не ввязаться в подобную авантюру. У Лизоньки будет хорошее приданое и без денег Петра.

Они с матушкой переглянулись, уверенные в своем решении, но тут я решила вступить в разговор:

— Дорогие мои родители, я вас обоих уважаю и люблю, но прошу позволить мне самой решать, вступать в наследство или нет. Все же дядюшка Петр Феокистович завещал все мне, а не вам. — Я мило улыбнулась, уже догадываясь, какое сопротивление встречу от родных, а потому, прежде чем мама успела высказать свое мнение, добавила: — Смею вам напомнить, что я уже совершеннолетняя и вполне могу принимать подобные решения. А я хочу этот дом!

Матушка ахнула, а отец сдвинул брови, хмурясь так, как делал всегда, когда начинал злиться.

— Старый болван! — не вытерпел батюшка, помянув брата недобрым словом. Он резко поднялся из-за стола и посмотрел на душеприказчика, словно тот был виновен в произошедшем. Стоило отметить, что господин Ростоцкий с честью выдержал пристальный взгляд князя и лишь передернул плечами. Я невольно зауважала служащего, потому что мой отец умел смотреть так, что коленки начинали трястись. Матушка не единожды говаривала, что мне достался отцовский взгляд, излишне пристальный, изучающий. Такой взгляд, словно видишь человека насквозь.

Не каждому придется по нраву, когда на него смотрят столь изучающе.

— Увы, ваша светлость! Чтобы получить наследство, вашей дочери надо выполнить все условия, — проговорил Ростоцкий.

— И переехать в этот кошмарный дом! — ахнула мама и закатила глаза, откинувшись на спинку кресла.

— Господин Ростоцкий, — взяв себя в руки, сказал отец, обращаясь к душеприказчику, — позвольте, мы дома обсудим данный вопрос и передадим вам ответ уже завтра.

Я мысленно улыбнулась. Таков мой отец. Надеется, что сможет заставить меня передумать? Но нет. У меня его твердый характер, и я не передумаю.

— Батюшка, — как можно спокойнее произнесла я, — ничего ждать не надо. Я все решила и принимаю все условия.

Отец сверкнул глазами, а мама потянулась ко мне. В ее взгляде было так много слов, но я знала, что здесь, в присутствии постороннего, она не решится высказать мне то, что думает. Однако когда мы окажемся наедине в экипаже, придется собрать всю силу воли, чтобы остаться при своем мнении. Снова начнутся упреки, возможно, даже прольются слезы...

На меня такое уже не действовало. Просто я отлично знала матушку и ее талант манипулировать с помощью слез и давления на жалость.

С батюшкой подобное проходило. Но не со мной. Я ведь тоже женщина и знаю все эти маленькие хитрости.

— Я подпишу все сегодня, — сказала спокойно и встала.

Ростоцкий, улыбнувшись, кивнул и подал мне перо и чернила.

Матушка тут же начала причитать. Отец заворчал, а я взяла перо и принялась читать документ, чтобы ознакомиться со всеми его пунктами. Не привыкла подписывать то, что предварительно не изучила. Лишь удостоверившись, что бумаги в порядке, я подписала и оригинал,

и копию, после чего вернула перо душеприказчику и, поблагодарив его, обернулась к родным.

— Вот и будешь жить там сама, — обиженно сказала матушка. — Я ни ногой в этот дом! — предупредила она.

— Буду, — ответила ей с улыбкой и, поправив перчатки, кивнула Росточку.

Душеприказчик дядюшки поклонился в ответ, и мы попрощались с ним, после чего покинули кабинет и направились к лестнице, ведущей на первый этаж.

На улице нас поджидала карета. Кучер, дядюшка Платон, поспешил слезть с козел и распахнул перед нами дверцу экипажа.

Первой в салон забралась матушка. Затем отец подал руку мне, но при этом ухитрился одним взглядом выразить недовольство. Я же улыбнулась ему в ответ и, устроившись внутри напротив мамы, приготовилась выслушать родителей.

— Платон, трогай! — велел отец. Захлопнув дверцу, он сел рядом с княгиней Вяземской, и, едва карета тронулась с места, оба, словно сговорившись, посмотрели на меня.

— Ну и что это было, Лизонька? — тут же начала матушка. Тон ее был обманчиво вкрадчивый. Но мне не впервой. Знаю, что она может за секунду превратиться в слезливую даму, а затем так же быстро стать твердой, как кремь, просто настоящей княгиней Вяземской, урожденной Мордвиновой.

— Что ты имеешь в виду, матушка? — осведомилась я с милой улыбкой.

— Все это. И наследство в том числе.

— И мы еще не обсудили твою практику, — не удержался отец.

Да. Практика и наследство — две темы, которые очень волнуют мою семью. Матушка, конечно же, мечтала, чтобы я устроилась секретарем к графу Лесинскому и весь год только и делала, что писала да переписывала его доклады с заседаний совета. Что и говорить, спокойное времяпрепровождение. А дочка возьми да выбери отдел по расследованию темных сил! Да ни одна благородная барышня, будучи в здравом уме и трезвой памяти, не выберет этот отдел. По крайней мере, так предполагала мама.

Вот как им объяснить, что мне хочется делать что-то нужное! Что с моим даром просто позор просиживать на месте секретаря! Что это, можно сказать, мое призвание! Неужели я напрасно потратила семь лет жизни на академию, чтобы потом стать обычной домохозяйкой?

Нет. Я хочу большего!

И если с практикой родители пусть и не смирились, но пытаются сделать это, то с наследством дядюшки Петра Феоктистовича все обстоит иначе.

— Дорогие мои матушка и вы, отец, — произнесла я. — Практика — дело решенное. Сам барон Станислав Лехно выбрал меня. Я просто не могла отказаться! А наследство... Ну посудите сами. Дядюшка не просто так оставил его именно мне. Думаю, он знал, что делает.

— В этом доме уже добрый десяток лет никто не жил, — тихо и немного мрачно сказал отец. — Сам Петя и тот обходил дом стороной. И вот теперь он оставляет его тебе! Уму непостижимо!

— Девица в твоём возрасте должна мечтать о молодом муже и о детках, — заявила мама. — Я так надея-

лась, что ты закончишь академию и остепенишься. Что подаришь нам с отцом внуков.

— Вот Маша скоро их вам и подарит, — заметила я осторожно.

Мария была моей младшей сестрой. Девушкой на выданье. Красавица, каких поискать. И характером мила, и красотой боги не обделили. Но матушку было так просто не отвлечь.

— Я за Машеньку не беспокоюсь. А вот ты, моя старшая дочь, вызываешь опасения.

Княгиня продолжала говорить, когда наш экипаж неожиданно остановился. Я покачнулась и едва не налетела на отца. Платон тут же на кого-то зычно крикнул, и я, не удержавшись, открыла окно и выглянула наружу, заметив, что стоим мы на узкой улочке, а дорогу нам преграждает огромный черный экипаж.

— Здесь слишком узко, — сказала я, глядя по сторонам. — Нам не разъехаться.

Кажется, Платон, решив сократить путь домой, повез нас через квартал ремесленников, который обычно в это время дня всегда пустовал. Улочки здесь были сплошь длинные да узкие. Здесь и двоим всадникам не проехать, не то что двум экипажам разминуться.

— Эй ты, сдавай назад! — крикнул Платон и взмахнул хлыстом. — Чего гнал коней, словно за тобой нечисть какая гналась?! У меня господ перепугал. Чай, не картошку-то везу, а?

— Сам сдавай! — последовал ответ от возницы черного экипажа. — А не сдашь, так я сейчас слезу и кнутом тебя по спине приголублю, холоп несчастный!

— Кто там такой нелюбезный? — проговорил мой отец и, решительно распахнув дверцу, выбрался из са-

лона. В обычное время батюшка и не подумал бы покидать карету. Он всегда предоставлял вознице разбираться с подобными делами. А тут, видимо, моя практика вкупе с наследством сыграла свою роль.

Платон хотел было последовать за хозяином, но князь лишь рукой взмахнул и велел кучеру оставаться на месте.

— Павлуша, куда ты? — ахнула мама, но отца уже было не остановить.

Он направился прямо к экипажу, чеканя шаг с выправкой военного офицера, пусть и в отставке. Переступив через серую неприглядную лужу, князь Вяземский решительно подошел к черному экипажу и, запрокинув голову, довольно резко произнес:

— Эй, любезный, приструните своего человека. Проявите уважение.

Прошла секунда, прежде чем дверца черного экипажа распахнулась, и из дорогого салона вышел человек. Он встал на ступеньку и, взявшись рукой за дверцу, взглянул на моего отца сверху вниз. Я в это время посмотрела на него, высунувшись из окна почти до талии.

— Лизонька, сядь! — попросила мама. Прежде чем послушно вернуться на место, я успела рассмотреть высокого молодого мужчину, одетого во все черное. У него была непокрытая голова, а одежда выдавала иностранца. Я успела заметить, что у незнакомца широкие плечи и черные как смоль короткие волосы. Кожа у мужчины была смуглой, а на лице выделялись яркие синие глаза.

А еще, возможно, мне, конечно, и показалось, но у него были усики. Тонкие и, на мой взгляд, противные. Я вообще не люблю мужчин с растительностью на лице. Вот никогда не выйду замуж за бородатого или усатого!

— Что там происходит? — спросила матушка, когда я спокойно заняла свое место, предоставив отцу разбираться с хозяином наглого кучера.

Пусть отведет душеньку. Мне же потом будет легче.

— Не знаю, — ответила я маме.

Княгиня наострила уши. Выйти из экипажа следом за супругом ей не позволяли приличия. Но любопытство оказалось сильнее, поэтому она немного придвинулась к окну и осторожно выглянула наружу. Я подавила улыбку, когда услышала голос незнакомца.

— Урош, извинись. Где твои манеры?

Голос был приятный, с такими бархатными нотками, что я почти простила этому незнакомцу его усы.

— Простите, господин, — прозвучало недовольное.

— Возвращайтесь в экипаж, сударь, — сказал обладатель бархатного голоса, — мы немедленно уступим вам дорогу.

Матушка удивленно изогнула брови и села вглубь салона, покосившись на меня.

— Иностранец, — заявила она с важным видом. — А Павлуша уже возвращается.

— Джарганец. — Я зевнула и прикрыла рот ладошкой.

— Почему ты решила, что джарганец? — спросила княгиня, но в этот момент, перебравшись через лужи, к карете подошел отец.

Он отмахнулся от Платона, который хотел спуститься и открыть перед ним дверцу, и, забравшись к нам, занял свое место, недовольно сверкнув глазами.

— Вот даже поругаться нормально не получилось, — вздохнул отец. — Что за день?